

Христианство: Грёзы и Реальность

Иван Севастьянов

Иван Петрович Севастьянов

Христианство: грёзы и реальность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70381657

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга не только о христианстве, Иисусе или апостоле Павле, хотя и о них тоже, и во многом, и начинается с этого, и объяснимо почему: христианство полтора тысячелетия занимает центральное место в мире, и именно оно, христианство, во многом, если не во всем определяет мир в его нынешнем, сегодняшнем качестве. Христианство, как глобальный и всеобъемлющий субъект истории, породивший из себя современный мир со всем его капитализмом, глобализмом, толерантностью ко всем и всему, в том числе и к человеческой жизни и человеческому существованию, вполне подходит, чтобы через него и из него попытаться осознать и понять его творение – сегодняшний мир, его историю и становление, и через это, возможно, заглянуть в будущее. Эта книга о взгляде на мир и его историю. Это попытка совместить созданные человечеством смыслы с реальностью.

Содержание

Раздел 0.	5
Предисловие	6
Раздел 1. История: смыслы, ожидания и манипуляции	21
Глава 1	22
Глава 2	55
Глава 3	67

Иван Севастьянов

Христианство: грёзы и реальность

... И человек оказался обреченным жить и воспринимать все только через смысл, который ему пришлось создавать.

*Бланишо Морис, Элиас Канетти, Вернер Зомбарт.
Тень парфюмера*

... настоящую реальность мы определяем лишь умом, делаем ее объектом умственного процесса, мы по-настоящему узнаем только то, что мы вынуждены воссоздавать мыслью, то, что скрывает от нас повседневная жизнь...

Марсель Пруст. Содом и Гоморра

Раздел 0.

Человек вынужден создавать смыслы, иначе он не может, а создав их – он живет в этих смыслах, творя новые и меняя, модифицируя старые. Мир сам по себе не имеет смысла, и только человек создает его, этот смысл, и мир будет относиться к человеку так, каким был наделен смыслом. Смыслы, выросшие из корней лжи, изменяют, в итоге, человеческое сознание, изменяют его направленность и целеполагание, размоют нравственные и духовные ориентиры, и мы все это уже видим воочию. Смыслы порождают действия, и действия эти адекватны порождающим их смыслам, то есть действия человека в мире соответствуют и определяются смыслами, которыми человек наделил мир: если мир злой, темный и враждебный, то таковым будет и человек в мире, по отношению к миру и к самому себе – человеку. Целенаправленная ложь, порожденная в глубине веков, или отброшенная туда из настоящего, породила разрушительные действия человека против самого себя, и скоро поставит его на грань существования.

Предисловие

Там, где жизнь замуровывает нас в глухую стену, разум прорубает окно...

... Разум не знает безысходности.

Марсель Пруст. Обретенное время

Это не еще одна книга о разоблачении, критике, или ниспровержении христианства – об этом написано более чем. Эти вопросы затрагиваются, но они не центральные – это инструмент. И не о вере или неверии пойдет речь, или о замене христианства язычеством, которое, по всем признакам, тоже во многом христианское творчество, созданное по древнегреческой кальке в виде многочисленных богов, и в народной традиции Руси не столько сохранилось как что-то отдельное, сколько вплелось в нее, трансформировалось и переплавилось в ней, и выплывает сейчас в разных видах и вариантах в современном неоязычестве. И книга эта не против Бога и Церкви Христовой как духовного наследия, как проявления Божественного Духа на земле и в человеке. И не за атеизм как абсолютную мировоззренческую позицию. Совсем нет. Это попытка понять существующее и происходящее, которое чем далее – тем все более непонимаемое, непроницаемое и отстраненное, как будто всё существующее и происходящее существует и происходит отдельно от нас и

где-то совсем в стороне. И в этой связи мы будем говорить о логике и понимании исторических явлений и процессов, соотношении их с реальностью, и не будем настаивать на каких-либо выводах и, тем более, рекомендациях. Эта книга – попытка понимания и осознания, а выводы и заключения, если они будут, находятся в этом контексте, и не несут категоричности и однозначности – это, скорее, некий итог, концентрация изложенной мысли или концепции.

Объемы наук, религий и всякого рода информации достигли на сегодня размеров и массивности неподъемных и непосильных для человека – они заслонили реальность, они вытеснили окружающий мир из объема, доступного для обозрения человеком, и эту пустоту заменили собой, так как пустот в природе не бывает, и на освободившееся место всегда кто-то или что-то приходит. Вся эта неподъемная научная, религиозная и всякого рода информационная массивность прочно зиждется на многовековом авторитете науки и религии, и ладно, если бы они, наука и религия, внутри себя обладали бы целостностью, смыслом и логикой, но там уже нет ничего из перечисленного. Наука рассыпалась на многочисленные фрагменты и представляет собой произвольную и хаотичную мозаику; религия рассыпалась на великое множество вероучений, церквей и всяческих сект, причем некоторые из них, такие, например, как «Свидетели Иеговы» или «Евангелисты», -сравнимы по некоторым параметрам даже с мировыми религиями. К тому же и наука, и религия (во всех

ее проявлениях, включая секты и различные течения) становятся все более агрессивными. Если раньше это наблюдалось в основном за религиозными течениями, то сейчас наука не отстает от религии не только в агрессивности, но и в категоричности своих суждений и заключений (время сомнений и исканий, присущих изначально науке, прошло), и занимает немалый сектор в современном информационном и медийном пространстве. И если религия уже давно является реальной самостоятельной политической (да и экономической) силой, то сегодня и наука становится самостоятельным политическим и экономическим игроком, достаточно упомянуть историю, социологию в ее широком понимании, медицину, информационные технологии, которые претендуют на лидирующие роли в современных мировых процессах. И вот вся эта несоизмеримо огромная научная и религиозная мозаика, во всем ее многообразии, модификациях и разновидностях заповнившая информационное и медиа-пространство, и не менее огромная и многообразная масса образовательных, научных, околонучных, научно-политических (есть и такие!) и религиозных институтов и учреждений, превратились в глухую стену между человеком и реальностью, между человеком и происходящим в мире и в самом человеке. И если раньше человек мог увидеть реальность или часть реальности, мог, по крайней мере, если не понять, то ощутить ее – то сейчас и эта возможность ушла, исчезла.

Чтобы понять что-либо – нужно найти причины, истоки,

генезис происходящего, и неважно что это: физический процесс, исторические, социальные или экономические процессы и явления, болезнь, или что-то еще. И не зря на протяжении многих веков и даже тысячелетий философы, теологи, ученые, мыслители – в попытках понять мир и происходящее в нем – неизбежно обращались и обращаются к самым истокам, к началу мира, истокам происхождения и существования всего: бога, мира, вселенной, человека.

Почему именно христианство? Современный мир – это западный мир. Под его эгидой, в его парадигме существуют все остальные, какими-бы сильными и самостоятельными они не казались, а западный мир – это христианство, с него все начиналось – им будет и заканчиваться. Как говорил Азазелло в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова: «Тогда огонь! Огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем!» Пророческие слова великого автора: огнем и мечом начинало христианство свое восхождение, видимо так будет и заканчивать.

Но книга не только о христианстве, Иисусе и апостоле Павле, хотя и об этом тоже, и во многом об этом, и начинается с этого, и объяснимо почему: христианство полтора тысячелетия занимает центральное место в мире – имеется ввиду та территория, те страны, где христианство стало основополагающей религией, и которые стали центром формирования современной цивилизации, ее науки и культуры; откуда все пошло и распространилось по миру, и где сосре-

дотачивались и на сегодня сосредоточены все основные ресурсы и механизмы управления и влияния на современный мир. И именно оно, христианство, во многом, если не во всем, определяет мир в его нынешнем, сегодняшнем виде и качестве. **Христианство сегодня присутствует и правит даже там, где оно реально и не просматривается:** Ватикан (в лице и образе своих многочисленных структур, орденов, клонов и ветвлений: иезуиты, францисканцы, доминиканцы и т.д., а также более закрытых, таких как Опус Деи) за многие столетия пустил корни и ветви сплошь и везде в мире (не только в Европе и Америке, где он официально правит, но и – в Японии, Китае, Тибете, Индии, Австралии и даже Африке, и Россия не исключение), во всевозможных видах и формах – мир пронизан христианством и покоится в нем. Тот же сегодняшний мировой капитализм и глобализм, и даже сама борьба с христианством, – есть порождение и продолжение христианства, потому любая попытка осознать сегодняшний мир – это осознание христианства как исторической реальности, вросшей в мир и переделывающей его под себя и для себя. И все это «человеческое, слишком человеческое» (Ф. Ницше), и Бог здесь ни причем, нет его здесь и никогда не было, и сегодня христианство уничтожает самое себя, чтобы быть и далее, быть и править в этом мире. Христианство без христианства? У христианства это возможно, и не только это. Об этом

книга.

И еще:

– это попытка отделить реальность, в первую очередь историческую, от вымысла;

– это попытка если не осознать, то «взглянуть» на реальность, на мир, на историю «интегрально», со стороны, извне, взглянуть на все сразу, пусть издалека – но на все; это нечто вроде принципа, изложенного и сформулированного в свое время великим австрийским математиком, логиком и философом Куртом Гёделем в его знаменитых «теоремах о неполноте»: очень важно видеть общий исторический контекст, причем извне его самого, а не фрагменты и исторические нарезки, из которых нельзя ни видеть, ни, тем более, понять историю;

– это попытка совместить исторические факты с реальностью и возможностью: факты и их интерпретации должны «совмещаться» с их возможностью и вероятностью, реальностью и здравым смыслом, и не должны конфликтовать с ними. Они должны совмещаться с историей, с историческим контекстом того времени, в котором существовали, и, если нужно менять взгляд на некоторые факты, менять их интерпретации, или вовсе ставить под сомнение сами факты, если они противоречат не только логике и здравому смыслу, но и всему человеческому опыту, противоречат принципам самой науки, которая их же почему-то поддерживает – значит нужно менять взгляд, менять интерпретации, ставить под со-

мнение, или вовсе отвергать некоторые факты, как надуманные и никогда не существовавшие. И если в чем-то (или даже во всем) надо менять сегодняшнюю официальную историю – значит надо менять;

– это попытка «связать» историю во времени: увидеть в настоящем прошлое и в прошлом настоящее; это попытка через настоящее заглянуть в прошлое и из прошлого увидеть настоящее, и, как некоторый итог, попробовать увидеть будущее;

– это попытка увидеть некоторые итоги совмещения исторических фактов с их реальностью и возможностью.

– это попытка создать целостную картину происходящего, как в конкретных исторических отрезках, так и на всем рассматриваемом историческом (и географическом) протяжении, и которую нельзя кратко изложить и сформулировать, потому это более попытка попробовать создать некую исходную «базу» для формирования такой целостной картины.

И христианство, как глобальный и всеобъемлющий субъект истории, породивший из себя современный мир со всем его капитализмом, глобализмом, толерантностью ко всем и всему, в том числе и к человеческой жизни и человеческому существованию, с уже ничем не прикрытым человеконенавистничеством, и прекрасно чувствующий себя в этом мире, вполне подходит, чтобы через него и из него попытаться осознать и понять его творение – сегодняшний мир, его

историю и становление, и через это, возможно, заглянуть в будущее.

И еще раз кратко о задуманной книге:

Книга в своей основной, если можно так сказать – идейной части, основана на словах-пожеланиях авторитетного французского философа, писателя, историка религии и семитолога Э. Ренана (классическими трудами которого мы будем пользоваться и далее, и тому есть свои причины, на которых сейчас мы останавливаться не будем, хотя приведенные ниже фрагменты говорят о многом) из его предисловия к 13-му изданию книги «Жизнь Иисуса»:

«По-моему мнению, лучше всего держаться, елико возможно, ближе к оригинальным повествованиям, отделяя от них все невозможное, относясь ко всему с большим или меньшим сомнением и излагая в виде предположений различные способы, какими могло произойти данное событие.»

«Выгоняйте иллюзию из религиозной истории в одну дверь, она проникнет в другую.»

«Для критики не существует непогрешимых текстов; первое ее правило допускать возможность погрешности в том тексте, который она рассматривает.»

То есть, основной базис, на котором строится книга: соотношение описываемых официальной историей (в том числе историей христианства) фактов и событий с реальностью, с возможностью (или невозможностью) и вероятностью этих

фактов и событий; с учетом, если это необходимо, научного, географического, политического, религиозного, временного и иного контекста, соответствующего времени и месту этих событий, хотя во многих случаях вполне достаточно здравого смысла и элементарной логики. Прикрываясь древностью, освященной великими и даже сакральными именами о ней повествующих, и которая во многом пока (а может и навсегда) реально непроницаема, можно наплести чего угодно: *«Мало ли чего можно рассказать! Не всему надо верить»* (доктор Стравинский из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова). **И совсем коротко о книге: какова историческая реальность, возможность и вероятность рассматриваемых исторических фактов и событий, и кто бенефициар самих этих фактов и событий, и (или) их последствий?** Разумеется, книга этим исчерпываться не будет, но это – основа, попытка уйти в некоторых основополагающих моментах от собственных представлений, толкований и интерпретаций, собственного субъективного понимания и всего такого прочего, сужающего рамки книги до индивидуально субъективных, что делает её очень уязвимой для критики. Всё это индивидуальное и субъективное тоже будет и без этого никак, но оно должно быть в русле реальности и возможности, оно должно быть, где это необходимо, по максимуму «научным» в хорошем смысле этого слова, то есть обоснованным, логичным, общепонятным, без привлечения оккультных, мистических и прочих сил, в том чис-

ле и Промысла Божьего (хотя он иногда и просматривается в истории, но это может быть и недостаток видения и знания) и, что еще очень важно для истории – оно должно быть контекстно понятным и встроенным в общую историческую картину.

Что касается индивидуально-субъективных мнений и интерпретаций, то мысли и мнения таких людей как: Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Гоголь, Л. Андреев, Э. Ренан, М. Пруст, Н. Бердяев, В. Розанов и других великих, творческим наследием которых мы будем пользоваться и на которое будем ссылаться в этой книге, не будут выглядеть такими уж индивидуальными и субъективными. **Например, масштаб и влияние Л. Толстого в конце XIX и начале XX веков вполне сопоставимы с масштабом и влиянием тогдашней Русской православной церкви (РПЦ), о чем говорит, например, затянувшаяся процедура предания его анафеме, в которой принимали участие не только вся общественность, газеты и журналы России того времени, но и Синод РПЦ в его высшем составе, весь высший политикум России и сам государь-император Николай-II.** Причем вся эта «анафема» была «изготовлена» в очень мягкой форме, и всяческое «заигрывание» церкви с Л. Толстым продолжалось до самой его смерти. И не Толстой искал примирения с церковью – церковь искала. Что касается Ф. Достоевского, то на сегодня это самый публикуемый и читаемый автор в мире, его упоминает в своих официальных

речах сам Папа Римский Франциск, что говорит не только о духовном, но и о политическом влиянии Ф. Достоевского в мире, а христианская Церковь в лице РПЦ давно его формально «приватизировала», и говорит о нем как о христианском писателе (не без некоторой, правда, критики, впрочем, очень мягкой и понимающей), тем самым поднимая не его, а свой статус. Некоторая, как может показаться на первый взгляд, избыточность в некоторых главах цитат, мыслей и фрагментов произведений самых разных великих людей разных стран и разных времен: писателей, поэтов, философов, богословов, – в какой-то степени умышленна. Автор хотел, чтобы было видно, что он не измышляет из ничего, не придумывает и не выдумывает, что он во многом опирается на работы, мысли, убеждения и рассуждения великих людей, на их веру и неверие, их страдания и сомнения. В части афоризмов, цитат, отрывков и фрагментов произведений, научных работ, дневников, писем, конечно можно говорить, что что-то мол «выхвачено», а вот во многих других работах, письмах, дневниках и т.п. того же автора сказано не совсем то, или совсем не то, что в отдельном каком-то письме, заметке или произведении, и т.п. Все так. Но мысль не всегда выражается явно и логично, высказанная мысль может быть афористична, образна, мифологична, она может недоговаривать, может не раскрывать, а, наоборот, скрывать, может быть и непонятна до конца самому автору – это может попытка самого автора понять свою мысль, свое чувство, свою эмоцию,

которые сами могут быть если не источником, то толчком к какой-либо мысли или идее. Мысль, тезис или какая-либо идея могут быть высказаны под влиянием «минуты», эмоционального и физического состояния, в предчувствии смерти или роковых событий, и именно эта, иногда вскользь, или под влиянием каких-либо обстоятельств, жизненных кризисов или эмоций, высказанная мысль, или вроде бы случайно брошенная фраза, могут значить больше, чем многостраничные рассуждения. Это может быть то потаенное в душе, о чем, возможно, не догадывался и сам автор (или не мог, по каким-то причинам сказать), и вот оно выплеснулось, легло на бумагу (особенно это касается дневников и писем). Распознать это трудно, для этого нужно вжиться в произведения автора, в его жизнь, в его время, и нужно всегда иметь в виду, что великие никогда не бросают что-то поперек себе состоявшемуся, что может разрушить его, и если вдруг что-то идет вроде бы (или вдруг) поперек – значит за этим что-то есть, и не просто что-то, а выстраданное и глубоко спрятанное ото всех, а где-то и от самого себя, и возможно это и есть та «сермяжная» правда, которая не давала покоя, созревая в душе долгие годы. Хотя может это и не так – поди угадай чужую, тем более великую душу. Но пробовать надо – выхода другого нет.

А вот простой пример реального взгляда на историю. Христианство через различные свои институты (церковные, политические, образовательные, научные, др.), в том числе и

закрытые (всякого рода ложи, ордена), используя огромное духовное влияние, влияние на психику и поведение миллиардов людей, правит миром железной рукой полторы тысячи лет – и что? Что мы видим? Мы видим войны, в большинстве своем религиозные и развязанные христианством или христианскими странами; мы видим уничтожение и истребление целых стран и народов, костры инквизиции, уничтожение и сокрытие знания, уничтожение книг, в том числе и исторических источников; мы видим сегодня неуклонно растущее неравенство меж людьми и голод в мире при избыточном наличии еды: *«Странно: так много хороших людей на свете [а еще больше верующих в Христа], а человек может умереть с голоду» (Леонид Андреев)*. Масштабные фальсификации христианской церковью истории и науки уже не вызывают сомнения ни у кого, мало-мальски образованного, а содомия и власть денег под предводительством христианства приобрели, в итоге, тотальный и глобальный, т.е. мировой и поистине всеуничтожающий характер и масштаб. И все вышеперечисленное – это реальность, это исторические итоги, это более чем печальный итог полуторатысячелетнего правления христианства в мире, а весь мир (и особенно верующие) по-прежнему, как замороженные, твердят наперебой (и думают!) о человеколюбии и миролюбии христианства, о его непреходящих человеческих ценностях, любви и всеобщем спасении человечества через христианство и идут за ним. Дико? Да. Но это реальность, которую

трудно отрицать, и все это легко и непринужденно уживается в человеческом сознании, и чем далее – тем более: исчезает способность не только к критическому, но просто к адекватному восприятию реальности, к словам и делам, и процесс этот нарастает буквально как обвал.

«... Послушай все слова, какие сказал человек со дня своего творения, и ты подумаешь: это бог! взгляни на все дела человека с его первых дней, и ты воскликнешь: это скот! так тысячи лет бесплодно борется с собой человек, и печаль души его безысходна, и томление духа ужасно и страшно, а последний судья все медлит с приходом... но он и не придет никогда, это говорю тебе я: навсегда одни мы с нашей жизнью, человече!» (Леонид Андреев. Дневник сатаны).

Это о христианстве, в его реальных земных проявлениях, это о Церкви Христовой, в которой нет, а возможно и никогда не было Христа, о ее словах и деяниях. Взгляни на дела христианские, человек, а их много, очень много за две тысячи лет, «и ты воскликнешь: это скот!» А последний судья все медлит своим приходом и, видимо, будет ждать его человек, пока не сомкнет веки свои так и не дождавшись. Он с надеждой смотрит на христианство, на Церковь Христову, а они своими деяниями показывают и буквально кричат ему: «навсегда одни мы с нашей жизнью, человече!» Но не видит человек деяний церковных, подобных крику, не слышит их, хотя они кричат, а слышит слова, какие говорила она, цер-

ковь, со дня своего сотворения, и думает: это Бог!

Так он и живет, человек – слыша, но не понимая, и не видя. Он слеп. Что можно предложить слепому? Что можно предложить больному, искалеченному сознанию? Мир грезит наяву, и грёзы размывают реальность и саму возможность ее адекватного восприятия, и надо попытаться увидеть мир, наделенный и населенный смыслами, а не только разрозненными фактами, часто весьма и весьма сомнительными. В истории всегда было место и время проявлению духа истории (по терминологии Гегеля) или, если угодно, Промысла Божьего, а значит – многое возможно.

Раздел 1. История: смыслы, ожидания и манипуляции

«Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.»

Книга Екклесиаста Глава 1

Глава 1

История, как и все, в том числе естественные и точные науки, пережила и переживает раздробление на отдельные фрагменты и ветвления: история экономическая, политическая, социальная, военная, религии, культуры, историческая география, историография, история отдельных стран и народов, и т.д. К истории можно отнести и такие специализированные науки как археология (изучает историю происхождения человека и общества по вещественным источникам древности) и этнография (изучает быт и нравы народов).

В процессе своего становления и развития история выработала определенные методологии исследования исторических фактов и событий. Историки пользуются множеством методов, в частности это:

Историко-генетический метод – состоит в изучении исторических явлений в процессе их развития – от зарождения до гибели или современного состояния.

Историко-сравнительный метод – состоит в сопоставлении исторических объектов в пространстве и времени, и выявлении сходства и различия между ними.

С помощью историко-типологического метода выявляются общие черты исторических событий и выделяются однородные стадии в их развитии. Происходит классификация исторических явлений, событий, объектов.

Идеографический метод – состоит в описании событий, явлений.

Системный метод – состоит в раскрытии внутренних механизмов функционирования и развития, анализе системы и структуры того или иного явления.

Ретроспективный метод – с его помощью можно последовательно проникнуть в прошлое с целью выявления причины события и восстановления его хода.

Синхронный метод – состоит в изучении различных исторических событий, происходивших в одно и то же время с целью установить связи между ними.

Хронологический метод (проблемно-хронологический) – состоит в изучении последовательности исторических событий во времени или по периодам, а внутри них по проблемам.

Метод периодизации – позволяет установить периоды исторического развития на основе выявления качественных изменений в обществе, обнаруживающих решающие направления в его движении.

В своих исследованиях история опирается (по крайней мере должна опираться) на следующие принципы исторического исследования:

– историзм, который обязывает рассматривать все события и явления в их взаимосвязи и взаимообусловленности. События с учетом данного принципа рассматриваются в контексте происходившего, а не по отдельности.

– объективность обязывает рассматривать все события и явления непредвзято, объективно, без предпочтений.

Вся эта фрагментация и «узкоспециализация» исторических исследований приведена здесь для того, чтобы показать: насколько история может быть «размыта» по отдельным своим фрагментам, когда одни и те же факты и события могут быть не то что противоречивы, а даже не «узнаваемы» в разных фрагментах исторической науки. Рассматривая историю по фрагментам, все больше детализируя и углубляясь, пропадает видение целого, это то, о чем говорят: «За деревьями не видят леса», это как при концентрации внимания и зрения на каком-то мелком объекте: чем внимательнее рассматриваем объект, тем больше «размывается», «размазывается» все окружающее, и мы даже можем вообще его не видеть, не замечать, а оно, это окружающее, есть, и оно намного, намного больше и содержательнее внимательно рассматриваемого объекта. И здесь речь именно о событиях и фактах, а не их интерпретациях, которые, будучи построены в свою очередь на «неузнаваемых» фактах (когда одни и те же факты и события могут быть не то что противоречивы, а даже «неузнаваемы» в разных фрагментах исторической науки), могут варьироваться до своей противоположности. Сейчас это достаточно подробно, скрупулезно и логично описывают в своей «Новой хронологии» А. Фоменко и Г. Носовский, когда, например, в различных «фрагментах» исторической науки под одним и тем же именем фигурируют различ-

ные исторические персонажи, или наоборот – под разными именами фигурирует один и тот же исторический персонаж; когда искусственно «растягиваются» и «перемещаются» исторические эпохи и периоды и т.п. В адрес А. Фоменко и Г. Носовского очень много критики (особенно со стороны профессиональных историков), но будем до конца объективны: А. Фоменко академик РАН, серьезный ученый, математик с мировым именем, и уж в чем-чем, а в логике, научной обоснованности и последовательности всем его работам, и его новой хронологии в том числе, не откажешь – и в этом она выше, причем значительно, многих классических исторических трудов. Другое дело, что профессиональные историки осилить новую хронологию не могут – гуманитарное образование и склад ума не позволяют: слабость или даже полное отсутствие логического мышления, обобщение от частного к частному, не по существенному признаку, и т.д., – о чем в свое время достаточно убедительно утверждал о гуманитариях (разумеется, есть исключения, но это именно исключения) знаменитый советский психолог Л.С. Выготский, работы которого высоко оцениваются во всем мире. Это историков злит, к тому же признание даже не ошибочности, а всего лишь спорности некоторых исторических дат, фактов, выводов и обобщений (а их превеликое множество), поставит под угрозу научные звания, авторитет, научную и медийную карьеру очень многих известных и заслуженных на сегодня ученых. Отсюда агрессивное неприятие и полное от-

рицание новой хронологии «историческим сообществом», а на попытки какой-то мало-мальски обоснованной критики мало кто из них отваживается, а точнее совсем никто, ввиду вышеуказанных причин. К тому же Фоменко и Носовский что называется «открыли» столько явных огрехов, ляпов, лжи и нестыковок в исторической науке, что «корпоративная нелюбовь» к ним профессиональных историков, все это создававших и развивавших, защитивших на этом диссертации и получивших академические звания, вполне понятна, и о «корпоративной нелюбви и неприятии», и последствиях этой корпоративности – лжи и обмане в истории и науке, еще будет упомянуто в этой книге. То, что история «размыта» по своим историческим специализациям и методологиям, и утрачена реальная общая картина мировой истории известно давно, но об этом не принято было говорить, и эта информация замалчивалась, теперь же это все выплывает и «выползает», что достаточно научно-последовательно, логично и обоснованно показывает та же новая хронология. Фоменко и Носовский часто выводы из своих исторических построений оставляют на усмотрение историков и вообще своих читателей, они не утверждают категорично там, где есть даже малейшие сомнения, как это делают профессиональные историки, часто не имеющие для своих утверждений не то что достаточных, а вообще никаких оснований, а обширность и объем материала, собранный и обработанный Фоменко и Носовским, впечатляет. И основной упор они делают именно

на хронологию; делая свои выводы и давая свои интерпретации подчеркивают, что это их мнение, логичное, обоснованное, но – их, и не настаивают, за исключением редких и явных случаев, на исторической истинности ими высказанного. И одно замечание, касаемо хронологии вообще: ею всегда занимались представители точных наук, тот же Исаак Ньютон, например, – такова специфика этой науки. А самого А. Фоменко, по его словам, натолкнули на хронологические исследования работы американского физика, специалиста по небесной механике и истории астрономии (и однофамильца вышеупомянутого знаменитого физика, математика и теолога Исаака Ньютона) – Роберта Ньютона, который также занимался и вопросами хронологии. Да, официальная историческая наука сегодня разбросана и размыва по своим многочисленным направлениям и методологиям, и из этого огромного массива, напоминающего хаос, всегда можно безболезненно извлечь на свет божий необходимое в данный момент, или создать это необходимое, если в историческом наборе («хаосе») его нет, что просто дополнит существующий хаос еще одним-двумя элементами, ничего в нем, в сущности не поменяв, но повысив количественный состав хаоса и возможность последующих манипуляций. **Такова на сегодня историческая наука, таковы сегодня психиатрия, психология и юриспруденция, да и многие другие общественные науки – та же социология и даже современная философия. А политизация и геополитизация на-**

ук (и не только общественных), значительно усилившая и их хаотизацию, приняла планетарный масштаб, и сейчас идет борьба за глобальный и тотальный контроль над науками и мировоззрением. Но если психиатрия, психология, юриспруденция и социология могут меняться, модифицироваться, то есть развиваться, вплоть до отрицания самих себя в своих основах, то с историей так не получится: история – это живая ткань, и она связана с настоящим, да и с будущим теснее и прочнее, чем это кажется на первый взгляд, и любое хирургическое вмешательство в прошлое, даже очень далекое, болью отзывается в настоящем и может лишить будущего.

Мы не будем вдаваться в анализ вышеперечисленных многочисленных исторических методологий и всякого рода исторических источников:

письменных (летописи, законы, указы и т.д.);

вещественных (орудия труда, одежда, жилища и т.д.);

этнографических (традиции различных народов мира);

лингвистических;

устных;

аудиовизуальных (фото-, кино-, видеодокументы, звукозаписи),

не будем оценивать и ряд вспомогательных исторических дисциплин, предметом которых является всестороннее исследование какого-либо одного источника или отдельных его сторон, например:

Нумизматика (наука о монетах).

Генеалогия (наука о происхождении и родственных связях людей).

Геральдика (наука о гербах).

Историческая метрология (наука, изучающая употреблявшиеся в прошлом системы мер и весов).

Палеография (наука, изучающая различные системы письма в их развитии).

Сфрагистика (наука о печатях).

Хронология (наука, изучающая системы летосчисления и календари разных народов) и др.,

но будем иметь ввиду такую разветвленность и дифференциацию современной исторической науки, позволяющую углубить и детализировать исторические исследования, выявить, подтвердить или опровергнуть различные исторические факты, но также позволяющую их скрыть, изменить, подменить, или, в крайнем случае, должным образом интерпретировать. Соккрытие истины, как и исторических фактов и событий, такая же обычная практика, как и поиск истины, выявление действительных исторических фактов и событий, и освобождение их от ложных интерпретаций. Если невозможно что-то скрыть, подменить или изменить – можно попытаться посеять сомнения, которые, при должном подходе, могут вырасти до непреодолимых размеров, что также очень часто применяется на практике, тем более с учетом в геометрической прогрессии растущей политизации и геополитиза-

ции общественных наук, и истории в первую очередь. Все, что может быть применено во благо – может быть применено во вред, не будем забывать об этой простой истине.

Мы, как уже упоминалось в предисловии к книге, сосредоточимся на адекватности в оценке реальности происходящего в истории, и, согласно пожеланиям Эрнеста Ренана, будем *«держаться, елико возможно, ближе к оригинальным повествованиям, отделяя от них все невозможное, относясь ко всему с большим или меньшим сомнением и излагая в виде предположений различные способы, какими могло произойти данное событие.»*

Вот это «все невозможное», во многом привнесенное что называется «извне истории», с умыслом или без, мы и попытаемся отделить, рассматривая историю Иисуса и апостолов, а также некоторые последующие исторические события, мы попытаемся *«держаться, елико возможно, ближе к оригинальным повествованиям, отделяя от них все невозможное, относясь ко всему с большим или меньшим сомнением и излагая в виде предположений различные способы, какими могло произойти данное событие.»*

Но вначале обратим внимание на некоторые особенности и методы исторической науки, которые помогут нам в дальнейшем лучше понять происходящее в истории и возможность (или невозможность) этого происходящего – факты, явления, события. Обратим внимание:

– на реальные причины, вызвавшие или породившие все

эти факты, явления, события – ибо после этого не значит вследствие этого, не все, что было до события, есть его причина;

– на условия, реально необходимые для развития происходящих событий во времени, иногда на довольно длительном, даже по историческим меркам, отрезке.

Не оставим в стороне и некоторые особенности восприятия человеком истории, а также масштаб исторических событий – разный масштаб требует разных условий и разных причин, например: причины крестовых походов и условия их проведения иные, чем в случае вражды и разборок соседних селений, хотя у них есть и нечто общее – стремление к доминированию, к власти, а значит к жизненным ресурсам, к их распределению и контролю. Аналогичный пример из физики: тяготение является общей причиной определенного полета и брошенного аборигеном камня, и полета ракеты, но на этом причинное сходство и заканчивается.

История не должна находиться за пределами адекватного восприятия реальности: реальности нынешней, в которой мы занимаемся анализом исторических событий и фактов, и реальности эпохи самих исторических событий и фактов. Реальность – это не только возможность каких-либо событий, но и вероятность, обусловленность, мотивированность, логичность и, наконец, случайность, которая также возможна и нередка в истории, хотя видимая случайность может иметь под собой объективную и даже спланированную при-

чину. **Возьмем, к примеру, такой известный исторический факт, как убийство президента США Кеннеди.** Нет никаких (официально известных) документов, никаких реальных свидетельств, проливающих свет на действительные причины того, кто, зачем и как планировал и осуществлял все это, ведь устранение президента крупнейшей мировой державы не такая простая вещь – не для стрелка-одиночки, к тому же без какой-либо подготовки. Есть множество версий, догадок и гипотез с разной степенью обоснованности и вероятности, но практически никто не верит в итоговую, официально изложенную и озвученную компетентными органами следствия и дознания США, версию случившегося. Официальная версия подкреплена многочисленными свидетельскими показаниями, заключениями экспертов, многочисленными фото и видео материалами, высказываниями официальных и медийных лиц, экспертов и т.п., – многотомное дело и сотни миллионов потраченных долларов, но... так не бывает, несмотря на многотомную юридическую формализацию этого события и глобальную медийную поддержку. Так не бывает в этом мире, в этой реальности. И это вам сразу скажет любой работник спецслужб любой страны, даже не вникая в многотомные исследования по этому поводу. Это подтвердит и любой образованный и думающий человек. Ведь даже откуда стрелял настоящий убийца (или убийцы) точно неизвестно, свидетели путаные, а некоторые из них явно «подготовленные», и охрана пре-

зидентская им под стать; очевидцев тысячи, километры видеосъемки, многие тысячи страниц показаний, фотографий, заключений и экспертиз и... ничего вразумительного в итоге, а «прикрепленный» ко всему этому и назначенный стрелком-одиночкой, оборвавшим жизнь 35-го президента США Ли Харви Освальд, – явно подставная фигура прикрытия, причем из рук вон плохо подготовленная, поэтому, видимо, сразу и пристрелили, чтобы закрыть этот вопрос; и все это действие видно, что называется, невооруженным глазом, и не надо для этого быть никаким и ни в чем экспертом. И поведение самих комиссий по расследованию, коих на протяжении нескольких десятилетий прошло превеликое множество, было не совсем вменяемым, несмотря на вроде бы высокую квалификацию ее членов. Все и всё как на подбор: и фото- видеоматериалы, и свидетели, и охрана президента, и определенный в убийцы Ли Харви Освальд, и комиссии по расследованию, и их заключения. Явная инсценировка, и притом не очень качественная, а точнее – совсем не качественная. Следствие масштаба? Недостаток времени? Или так задумано – демонстрация силы и неуязвимости? Или все вместе? В принципе, это для нас не так важно: за всем этим, за всей этой итоговой официальной картиной, эпической по своим масштабам, но из рук вон плохо срежиссированной, явно просматривается другая, скрытая реальность, и она более реальна, более адекватна, понятна и обоснована чем официальная, присутствующая в печати, на телеканалах и т.д. Эту

скрытую реальность пытаются вытащить на поверхность разными всякими способами уже более полувека, но пока она тонет в таком понятии как «конспирология»: всем версиям, отличным от официальной приписывают конспирологическую, а значит надуманную, фантастическую, а то и вовсе «психиатрическую» составляющую, и массировано обыгрывают все это в СМИ, интернете, на телевидении. И все бы хорошо, но... – порядка 50 человек: Ли Харви Освальд, а потом убивший его Джек Руби, другие возможные и ненужные свидетели (кто что-то видел или слышал, или мог что-то видеть или слышать), в том числе и полицейские, очень быстро ушли из жизни при различных весьма странных обстоятельствах. Хотя странными их назвать нельзя: большинство из них (те же полицейский – Джек Хантер и журналист Джем Коссер, побывавшие на квартире Освальда сразу после покушения) были просто застрелены, другие попали в автокатастрофу, умерли от сердечного приступа или передозировки наркотиков (как журналистка Дороти Калголлен, взявшая интервью у Джека Руби накануне его смерти, хотя до этого наркотики не употребляла). Это тоже конспирология? Это факты, напрямую привязанные к делу убийства Кеннеди. И как с этим быть? А никак. И по сей день остается, а может и навсегда останется в истории, официальная версия произошедшего с 35 президентом США, не соответствующая ни логике, ни контексту параллельных и последующих событий, ни здравому смыслу. Пройдет время, уйдут очевидцы и со-

временники этих событий, и эта официальная версия «вцентрируется» в историю и станет ее неотъемлемой частью, она обрстет различными дополнительными интерпретациями и «вновь открывшимися материалами и обстоятельствами», и уже не будет вызывать ни удивления, ни недоверия. описывающий, доказательный и медийный массивы сделают свое дело, а время все закончит и заполирует, сотрет память и всех тех, кто были современниками или очевидцами этого печального и громкого события; всех тех, кто что-то видел, слышал, что-то помнит или знает; время сотрет остроту, и итоги этого процесса видны уже сейчас.

То же самое, практически один в один, можно сказать и о событиях 11 сентября 2001 года в США, буквально перевернувших мир, разделивши его на мир до 11 сентября 2001 года, и на мир после. Изложенное выше – это не критика, и не попытка анализа процессов, порожденных громкими политическими событиями последних 60-и лет (эта тема слишком объемна, о ней написано очень много всего и весьма подробно и обстоятельно, и она не входит в наши цели и задачи) – это просто очень короткий ретроспективный и обобщенный взгляд на события совсем недалекого нашего прошлого, взгляд на то, как из факта рождалась и формировалась, по сути, сама история, какими путями и методами. Это взгляд на то, как за формируемым историческим фасадом – видимым, доступным и предлагаемым для обозрения и изучения, скрывается другая, истинная ре-

альность, сокрытая за этим фасадом как за защитным слоем, экраном, по сути – исторической иллюзией. Конспирологическую составляющую зачастую приписывают и многим другим версиям и теориям в различных областях науки, общественной и политической жизни, тем самым пытаюсь создать им некоторую маргинальность и псевдонаучность, хотя в некоторых случаях (и даже во многих) это вполне заслуженно и оправдано.

Если такое случилось в XX-ом веке с делом Кеннеди (или с событиями 11-го сентября в самом начале XXI века), когда еще живы многочисленные свидетели и участники рассматриваемых событий, есть многочисленные документы, кино и фотоматериалы, то почему нечто подобное (имеется ввиду подмена фактов, действующих лиц, документов, свидетельств, или вовсе «заматывание», «зарутинивание» и «замыливание» какого-либо процесса или события до его неузнаваемости, а то и полного исчезновения, и последующего возможного «воскрешения» через годы, десятилетия, а то и века, в необходимом виде, формате и качестве, и т.п.) не могло быть два или три века назад? Или двадцать веков назад? Когда не то что участников и свидетелей давно уже нет, а вообще ничего нет, кроме очень сомнительных и противоречивых свидетельств маловероятных, а то и вовсе невозможных фактов и событий, якобы происходивших во тьме (в самом буквальном смысле) веков.

«Прошлое не вернуть, но зато как его можно вывер-

нуть!» – говорил великий римский император и философ Марк Аврелий, так что все это было хорошо знакомо уже временам II века нашей эры, задолго до К. Маркса, сказавшего, что: «то, что мы называем историей, это – всего лишь сказки, рассказанные победителями». И в те далекие, раннехристианские, апостольские времена, историей, как таковой, никто и не интересовался (за исключением тех немногочисленных, кто ее «создавал»), да ее и не было вовсе. Все просто: ни книг, ни газет, ни журналов, ни самолетов с поездами; что происходит в соседнем селении узнается с большим опозданием, а может и никогда – сгорело селение и следа не осталось; что происходит (или происходило) в соседней стране, да и есть ли она вообще, эта страна, можно узнать (или не узнать) через столетия; что записали в свои книги церковники (а потом изменили или вообще переписали заново) – то и история; что рассказали посетившие город или селение купцы или паломники – то и случилось где-то, а не посетили – то и не случилось нигде ничего. Нельзя обойти стороной и массовые, целенаправленные уничтожения и сокрытия научных и исторических книг, записей, различных артефактов, за которыми стояла церковь и верховные правители – такие случаи достоверно известны в истории, в том числе и истории России. Так что прошлое в те далекие времена еще как можно было «вывернуть»! И часто наблюдается большая разница между памятью народа, его эпосом, глубинными традициями и обрядами – и официальной истори-

ей; часто само поведение народа, его социальные реакции на какие-либо события не согласуются с историческими истоками всего этого – поведение народа не вписывается в его официальную историю. Народ не тот? Не так себя ведет? Или история не та? Историки разводят руками, строят догадки, выдвигают версии, пишут научные работы, книги, все более усложняя и без того путанную и противоречивую историческую картину, и процесс этот идет постоянно, наращивая, как уже выше было сказано, и без того путанный и противоречивый исторический объем. Все это надо иметь ввиду, описывая и анализируя исторические события, *«...отделяя от них все невозможное, относясь ко всему с большим или меньшим сомнением и излагая в виде предположений различные способы, какими могло произойти данное событие.»*(Э. Ренан).

Войны и заговоры сопровождают всю историю человечества, и методики их ведения отработаны тысячи лет назад, достаточно вспомнить трактат легендарного китайского военачальника и стратега Сунь-Цзы «Искусство войны» датированного концом VI – началом V века до н. э. и его актуальность сегодня, в XXI веке ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусство войны](https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусство_войны)):

«Во многих восточноазиатских странах «Искусство войны» было частью экзаменационной программы для потенциальных кандидатов на военную службу. Существует много переводов. В течение Вьетнамской войны некоторые офице-

ры Вьетконга изучали «Искусство войны» и, говорят, могли цитировать наизусть целые разделы книги. Искусство войны применяется во многих сферах, совершенно не связанных с армией. Большинство текста – о том, как вести войну без собственно боевых действий: книга даёт советы, как перехитрить своего противника так, что физическая битва будет не нужна. В связи с этим, книга нашла применение как тренировочное пособие для многих соревновательных мероприятий, которые не подразумевают собственно бой.

Трактат используется в военном обучении в армии США[5], в том числе в военно-морских силах. Хо Ши Мин также широко применял этот трактат в своей деятельности.

Существуют бизнес-книги о применении уроков к офисной политике и корпоративной стратегии. Многие японские компании требуют, чтобы эту книгу читали их ключевые должностные лица. Эта книга также популярна среди западных бизнес-менеджеров, обращающихся к ней за вдохновением и советом о том, как побеждать в соревновательных бизнес-ситуациях. Она также применяется к сфере образования.

Искусство войны является предметом исследования юридических учебников и статей по судебному процессу, включая тактику переговоров и судебные стратегии.

Искусство войны также применяется в сфере спорта. Известно, что тренер Национальной футбольной лиги США Билл Беличик читал эту книгу и применял её уроки для по-

лучения идей в подготовке к играм.[30] Известно, что тренер по футболу Луис Фелипе Сколари и член Бразильской футбольной ассоциации Карлос Альберто Парейра читали текст. Сколари заставил бразильскую сборную на Чемпионате мира по футболу 2002 изучать старинное произведение во время их успешной кампании.[31]

Искусство войны часто упоминается при разработке стратегий и тактик в киберспорте. В частности, одна из самых фундаментальных книг по киберспорту – "Playing to Win" за авторством выпускника MIT Дэвида Серлина[en] (англ. David Sirlin), по сути является трактовкой[источник не указан 1410 дней] Искусства войны с обсуждением возможных приложений идей, содержащихся в оригинале, к современному киберспорту.

Трактат Искусство войны даже был применён к индустрии программного обеспечения.

Применяют, и с успехом, методики трактата и иезуиты, не чужды этому и мировые религии, а также различные секты – религиозные, коммерческие, корпоративные и т.п.»

То есть, древний трактат с его инструкциями, советами и рекомендациями пользуется сегодня большим спросом и применяется с большим размахом во многих крупнейших мировых державах и во многих сферах: от военно-морских сил и спецподразделений до политики; от бизнеса и спорта до программирования, а вообще все эти технологии применяются человечеством в своей жизнедеятельности уже не

менее двух с половиной тысячелетий, и это только письменная фиксация – на самом деле все это существует многие тысячи лет. Так что, некоторые проекции далекого прошлого на настоящее, как и проекции настоящего на прошлое, в том числе и далекое, вполне оправданы и:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас».

(Книга Екклесиаста Глава 1).

Эта древняя мудрость вполне и во многом применима к истории: меняются технические и технологические возможности, появляется новый инструментарий, в том числе информационный, но не меняются в своих базовых основах технологии ведения войн, продвижения религий, организации и реализации заговоров и манипуляции человеческим сознанием. **Не меняются и стремления человека: к власти, в своем итоге, в пределе – неограниченной; к завоеванию и контролю жизненных ресурсов – в пределе также неограниченным, если считать космос. И эти человеческие стремления подчиняют себе всё, в том числе и историю.** Говоря здесь о человеке, я не имею ввиду всех без исключения, но к власти прорываются именно с вышеуказанными свойствами и стремлениями человеческой природы, и именно они потом вершат судьбами мира, организуя его под себя и для себя, и они готовы погубить мир,

но не отдать власть – такой мир им уже не нужен, и пусть его не будет...

На человека очень сильно действует временная отдаленность: если ему кто-то авторитетный говорит что-то о первых веках нашей эры – он с благоговением слушает и внимает, принимая на веру практически все, что ему авторитетно и со знанием дела преподносится. Седая древность, Иисус, апостолы – это что-то неземное, сказочное, и оно ведь было, оно просто не могло не быть, не могут веками ошибаться миллионы людей, в том числе те, кто куда умнее и образованнее его самого: святые, старцы, отшельники, мудрецы, великие ученые, философы, писатели и поэты, Папа Римский, наконец. Человек и не подозревает, что и сам находится в такой же сказке: ходит в церковь, бьет поклоны, слушает песнопения под размахивание кадиллом, стоит в очереди чтобы припасть к руке священнослужителя или чьим-то костям и т.п.; он, по сути, ничем не отличается от тех, древних и сказочных, о ком он слушает авторитетные рассказы, но не может, и даже не пытается соотнести себя с теми древними из авторитетной сказки – **он не может понять, что прошлое живет в настоящем, оно живет в нем, и это суть истории и ее отличие от природного процесса.** Человек смотрит на историю как-бы со стороны, не участвуя в ней и не ощущая себя участником, для него история что-то вроде фильма с любимыми (или нелюбимыми) актерами, их героями и авторитетным режиссером, а к фильму у человека от-

ношение несколько особое: для него Штирлиц или Шерлок Холмс часто более реальны, чем многие реальные исторические персонажи, в том числе и прототипы вышеуказанных персонажей. Многие, например, считают Дениса Давыдова (легендарного героя Отечественной войны 1812 года) киногероем, а Штирлица (точнее советского разведчика Максима Исаева) вполне реальным человеком, героем «невидимой войны». Таковы сила искусства и особенности человеческого мозга, который одинаково реагирует и на то, что происходит в реальности, и на наши мысли о реальных или воображаемых событиях и ситуациях, тем более когда они подкреплены авторитетным источником: центральным каналом телевидения, академическим или профессорским званием, апостольством, патриаршеством, папством и т.п. А если бы по центральному телевидению и в прессе прозвучали авторитетные мнения о реальности того же Штирлица – Исаева, была бы создана его «официальная» биография и т.д. – эффект был полным и завершённым, и разрушить его впоследствии было бы очень и очень трудно, да и то в определенной категории людей. А в фильме, даже очень жизненном, всякое бывает, в том числе и не совсем жизненное, и совсем не жизненное – зритель принимает все, особенно если это хорошо сделанный, раскрученный и популярный фильм. С историей все аналогично: история для большинства тот же фильм, точнее фильмы, с любимыми и нелюбимыми героями, любимыми и нелюбимыми режиссерами и актерами: правителя-

ми, полководцами, революционерами, мудрецами, святыми, и т.д., и «отделить в историческом повествовании все невозможное», во многом привнесенное что называется «извне истории», с умыслом или без, «относясь ко всему с большим или меньшим сомнением и излагая в виде предположений различные способы, какими могло произойти данное событие» (Э. Ренан), часто бывает достаточно сложно, а иногда просто невозможно: история сложилась за века, ее образы, факты и события устоялись, отяжелели, и многие отлились в бронзу – не сдвинуть!

Пропасть веков, подкреплённая авторитетом науки, церкви, литературы и искусства действует завораживающе, как повести и рассказы Н. Гоголя, создавшего романтику Украины с её сказочной природой, лихим и верным запорожским казачеством, искусными мастеровыми, мудрецами, святыми, колдунами, ведьмами, чертями и прочей сказочной красотой, нисколько не страшной и даже притягательной. А на самом деле вся романтика, и вся непродолжительная (по историческим меркам) история Украины – это история непрерывного предательства и ненависти ко всем и вся (отсюда – от ненависти ко всем и вся, – видимо и предательство), и постоянной междусобойной грызни за власть (есть даже такие пословицы: «Где два украинца, там три гетьмана», и «три украинца – это партизанский отряд с предателем»). **Но гений писателя победил историю, и даже теперь, в начале третьего десятилетия XXI века, когда выплыва-**

ет вся неприглядность украинской истории, мы никак не можем освободиться от магии Н. Гоголя . Такова сила подлинно великой литературы, но Украина не смогла наследовать Гоголя, хотя и очень хотела, не такова она по сути: чтобы наследовать Гоголя Украине надо было перестать быть Украиной, а она не смогла. Результат мы видим, и он не возник ниоткуда, он возник из исторической глубины и не мог быть иным. Можно допустить, что он мог быть не в такой радикальной и дикой форме, но быть иным он не мог – чтобы быть иным надо, как я уже говорил, Украине перестать быть Украиной, а этого не случилось. И до сего дня существует две Украины и две истории: Украина Гоголя: красивая, романтическая, завораживающая, и Украина реальная: «где два украинца, там три гетьмана», «пусть у меня не будет коровы – главное, чтобы у соседа ее не было», «кто не скаче – той москаль!» и т.п., и предательство, предательство, предательство... – выбирайте, какая Украина вам по душе! И живут миллионы людей в «разных» Украинах, а другие миллионы смотрят извне на «разные» Украины. **И это все у нас перед глазами, это – реальность, где нереальность наравне с реальностью, а по сути две параллельные реальности, и «отделить все невозможное», как хотел того Э. Ренан, показать реальную историческую картину, а точнее убедить всех в этой реальности очень и очень трудно. Вот он – яркий пример исторического релятивизма, когда в историю «вторгается» (и где-**

то даже завладевает ею) литература. Но в историю бесцеремонно «вторгается» не только литература, но и философия, политика, религия (о чем мы еще будем говорить), и если философия во многом расширяет и дополняет историю, наделяет ее смыслами и методологией, то политика и религия очень часто просто используют ее в своих целях, а попросту «насилуют». Украина Гоголя конечно лучше и привлекательней Украины реальной, Украина Гоголя красива и романтична, даже сказочна, и она могла бы быть такой, наследуя Гоголя, но для этого ей надо, как уже было сказано, перестать быть Украиной, а она этого не хочет – она хочет наследовать Гоголя не переставая быть собой как она есть. И даже если бы ей, Украине, был дан повторный исторический шанс, и она что-то попыталась бы сделать – не предавать союзников, например, – ничего бы не получилось, не получится у Украины наследовать Гоголя и изменить свою историю не изменив себя, свою натуру, свою суть. А говоря об Украине Гоголя почему не вспомнить о древней Палестине апостола Павла, Дионисия Ареопагита, или Иустина Философа? Или того же Н. Гоголя? Он во многих своих письмах очень красиво, с любовью и надеждой писал о Христе, о святых апостолах, о древней Палестине, и даже совершил паломничество в святые места. Но насколько древняя Палестина и христианство наследуют то, что писал о них апостол Павел, Дионисий Ареопагит, Иустин Философ, или знаменитый Ориген Александрийский? Или тот же Н. Гоголь, да

и многие, многие другие не менее уважаемые и заслуженные люди, святые. Вот очень интересное и, как мне кажется, выстраданное письмо Н. Гоголя М.А. Константиновскому, Неаполь. Генваря 12 дня <н. ст.> 1848 г.

«Благодарю вас много за бесценные ваши строки. Прочитал несколько раз ваше письмо. Прочитаю потом еще в минуты других расположений душевных. Смысл нам не вдруг открывается, а потому нужно повторять чтение того, что относится до души нашей. Я верю, что вы молились обо мне и просили у Бога вразумленья сказать мне то, что для меня нужно, а потому, верно, после откроется мне в нем и больше. Хотя и теперь вы сказали много того, за что душа моя будет благодарить вас и в будущей и в здешней жизни.

Все, что говорите вы об учительстве, принял очень к сведению и вследствие этого, разумеется, взглянул пристальнее и на себя и на учительство. Не могу только решить того, действительно ли то дело, которое меня занимает и было предметом моего обдумывания с давних пор, есть учительство. Мне оно кажется только долгом и обязанностию службы, которую я должен был сослужить моему отечеству, как воин, гражданский и всякий другой чиновник, если только он получил для этого способности. Я, точно, моей опрометчивой книгой (которую вы читали) показал какие-то исполинские замыслы на что-то вроде вселенского учительства. Но книга эта есть произведение моего переходного душевного состоя-

ния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния. Опечаленный некоторыми неприятными происшествиями, у нас случающимися, и нехристианским направлением современной литературы, я опрометчиво поспешил с этой нерассудительной книгой и нечувствительно забрел туда, где мне неприлично. А диавол, который <тут> как тут, раздул до чудовищной преувеличенности даже и то, что было и без умысла учительствовать, что случается всегда с теми, которые понадеются несколько на свои силы и на свою значительность у Бога. Дело в том, что книга эта не мой род. Но то, что меня издавна и продолжительнее занимало, это было изобразить в большом сочинении добро и зло, какое есть в нашей русской земле, после которого русские читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у нас многие, даже чиновники и должностные, попадают в большие ошибки по случаю незнания коренных свойств русского человека и народного духа нашей земли. Я имел всегда свойства замечать все особенности каждого человека, от малых до больших, и потом изобразить его так перед глазами, что, по уверению моих читателей, что человек, мною изображенный, оставался, как гвоздь, в голове, и образ его так казался жив, что от него трудно было отделаться. Я думаю, что если я, с моим умением живо изображать характеры, узнаю получше многие вещи в России и то, что делается внутри ее, то я введу читателя в большее познание русского человека. А если я сам, по милости Божией, проникнусь более познанием дол-

га человека на земле и познанием истины, то от этого нечувствительно и в сочинении моем добрые русские характеры и свойства людей получают привлекательность, а нехорошие — такую непривлекательность, что читатель не возлюбит их даже и в себе самом, если отыщет. Вот как я думал и поэтому узнавал все, что ни относится до России, узнавал души людей и вообще душу человека, начиная со своей. Еще я не знал сам, как с этим слажу и как успею, а уже верил, что это будет мне возможно тогда, когда я сам сделаюсь лучшим. Вот в чем я полагаю мое писательство. Итак, учительство ли это? Я хотел представить только читателю замечательнейшие предметы русские в таком виде, чтобы он сам увидел и решил, что нужно взять ему, и, так сказать, сам бы поучил самого себя. Я не хотел даже выводить нравоучения; мне казалось (если я сам сделаюсь лучше), все это нечувствительно, мимо меня, выведет сам читатель. Вот вам исповедь моего писательства. Бог весть, может быть, я в этом неправ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собою, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Как молиться, если Бог не захочет? Вижу так много в себе дурного, такую бездну себялюбия и неумения пожертвовать земным небесному. Прежде мне казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно стал лучше прежнего, в минуты слез и умилений, которые я ощущал во время чтения святых книг. Мне казалось, что я удостоивался уже милостей Божиих, что эти сладкие ощущения есть уже свидетельство, что я стал бли-

же к небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как Бог не поразил меня и не стер с лица земли. О, друг мой и самим Богом данный мне исповедник! горю от стыда и не знаю, куда деться от несметного множества неподозреваемых во мне прежде слабостей и пороков. И вот вам моя исповедь уже не в писательстве. Исписал бы вам страницы во свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. **Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа Богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился Его необъятной мудрости и с некоторым страхом почувствовал, что невозможно земному человеку вместить ее в себе, изумился глубокому познанию Его души человеческой, чувствуя, что так знать душу человека может только Сам Творец ее. Вот все, но веры у меня нет. Хочу верить.** И, несмотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу. Этого мало: хочу молиться о всех и всём, что ни есть в русской земле и отечестве нашем. О, помолитесь обо мне, чтобы Бог не поразил меня за мое недостойнство и удостоил бы об этом помолиться! **Скажите мне: зачем мне, вместо того, чтобы молиться о прощеньи всех прежних грехов моих, хочется молиться о спасеньи русской земли, о водвореньи в ней мира, namесто смятения, и любви, namесто ненависти к брату? Зачем я помышляю об этом, namесто того, чтобы оплакивать собственные грехи мои? Зачем мне хочет-**

**ся молиться еще и о том, чтобы Бог дал силы мне за-
гладить новым, лучшим делом и подвигом мои преж-
ние худые, даже и в деле писательства? О, молитесь обо
мне, добрая душа моя! Молитесь, чтобы Бог избавил меня
от всякого духа искушения и дал бы мне уразуметь его ис-
тинную волю. Молитесь, молитесь крепко обо мне, и Бог вам
да поможет обо мне молиться! Порученье ваше исполняю,
Евангелие читаю и благодарю вас за это много.»**

Что-то чувствовал в христианстве великий писатель, чув-
ствовал какую-то ложь, фальшь, двойственность, какой-то
надлом – он признавал Христа, он хотел верить, но не мог.
Веры у него не было.

А вот еще одно письмо Н. Гоголя М.А. Константиновско-
му (приведем его полностью, оно небольшое и очень харак-
терно для Н. Гоголя).

**М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ. Москва. Ноября 9-го
<1848>.**

"Я к вам долго не писал, почтеннейший и близкий душе
моей Матвей Александрович. Сначала я думал было скоро
увидеться с вами лично. Потом, когда случилось так, что на-
мерение мое ехать к вам отложилось до весны, я долго не
мог взяться за перо, – может, по причине большого неудо-
вольствия на самого себя. Я был недоволен состоянием ду-
ши своей и теперь также. В ней бывает так черство! То, о
чем бы следовало мне думать всякий час и всякую минуту,
так редко бывает у меня в мыслях, и это самое редкое по-

мышление о нем так бывает холодно, так без любви и одушевления, что в иное время становится даже страшно. **Иногда кажется, как бы от всей души молюсь, то есть хочу молиться, но этой молитвы бывает одна, две минуты. Далее мысли мои расхищаются, приходят в голову незваные, непрошенные гости и уносят помышления бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться. Всё как-то делается не во-время: когда хочу думать об одном, думается о другом; когда думаю о другом, думается о прежнем.** А между тем в теперешнее опасное время, когда отовсюду грозят беды человеку, может быть, только и нужно делать, что молиться, обратить всё существо свое в слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасение и молиться о всех. Всё это чувствуется и ничего не делается, и оттого еще страшнее всё вокруг, и слышишь одну необходимость повторять: «Господи, не введи меня во искушение и избави от лукавого!» **Друг мой и богомолец, скажите мне какое-нибудь слово; может быть, оно мне придется.**

Весь ваш Н. Гоголь."

Как видите, Гоголь искал веру и спасение не только в евангелиях, не только в Христе, он искал их в людях, в своих знакомых, друзьях – искал, искал, искал... и не находил, искал всю жизнь и... – так и не нашел.

Украину Гоголь смог создать, а вот с христианством у него до конца не получилось: он много, с любовью и какой-то на-

деждой писал о нем, писал о Христе, о вере, совершил паломничество в святые места, молился (а точнее пытался молиться), но сам не верил в то, что писал и делал; не получалось у него с молитвой, не получалось с верой; он думал, мучился, писал и не верил в то что писал, отсюда вся эта раздвоенность и душевная боль в его письмах. **«Вот всё, но веры у меня нет. Хочу верить»**, – писал он М.А. Константиновскому.

Гоголь страдал от своей душевной, духовной или, если хотите, религиозной раздвоенности, он писал магические, завораживающие сознание произведения, с чертями, ведьмами, мертвецами, колдунами, упырями и прочей нечистью, и, в тоже время, в своих письмах и заметках писал о христианстве, о Христе, о православии. Он хотел во все это верить: в Христа, в православие, он хотел об этом писать, но... не мог – у него получались ведьмы, упыри, свиные рыла и мертвые души. У него не было веры ни в Христа, ни в христианство – у него была мечта о вере, недостижимая, как оказалось, для него мечта.

Гоголь создал завораживающе красивую историю Украины; он пытался стать христианином, для чего изучал церковные писания, историю, в том числе и историю христианства, посещал святые места и даже пытался писать свои бессмертные произведения по-христиански и... ничего не получалось: веры не было, а из-под пера выходили все те же колдуны, ведьмы, упыри, и, в лучшем случае, «свиные ры-

ла» и «мертвые души». **Что-то не так видимо с христианством, или – с самим Гоголем. Я лично верю Гоголю – он не притворялся, он был очень искренен в своих исканиях, и умер от своих попыток стать христианином. «Я верю только тем свидетелям, которые дали перерезать себе глотку» (Блез Паскаль), – и с этим нельзя не согласиться.**

Глава2

Обращаясь к известным мировым религиям, имеющим миллионы и даже миллиарды верующих, почитателей и приверженцев, таким как: индуизм, иудаизм, буддизм, христианство, ислам (индуизм и иудаизм сейчас не включают в число мировых религий, но учитывая их влияние в мире, мы несколько не погрешим причисляя их к мировым), – мы неизбежно сталкиваемся с их историей, глубокой, многовековой и даже многотысячелетней историей, истоки которой сокрыты не только глубиной веков, но и сакральным характером самих религиозных учений, в которых всегда сокрыта тайна их зарождения, связанная с соприкосновением человека с божественным, небесным, неземным, с тем, что намного выше и больше самого человека, недостижимо для него, и открывается лишь избранным. Эти избранные – пророки, посвященные – и приносили религии на землю, через них передавалось божественное знание, божественное откровение; они являли собою то, откуда начинался свет новой религии, откуда он шел в мир; их фигуры становились священными, а авторитет непререкаемым. **Все знания, все откровения, пришедшие в мир с религиями, идут от ее пророков из глубин веков, а все последующее – это только изучение, толкование и постижение открытых миру через пророков истин, поэтому любое религиоз-**

ное учение – это прежде всего его история, его истоки, его пророки и святые, принесшие учение в мир, это священные книги, изучая которые люди могут постигнуть истину. Всё знание, пришедшее в мир с той или иной религией, все ее откровения сосредоточены в ее мистическом истоке, в ее сокровенной истории и неотделимы от неё. Любая религия и есть её история, поэтому в религии так важен исторический контекст, так важны исторические свидетельства, которым можно доверять безусловно, и которые сами по себе не вызывают сомнений ни у историков, ни у религиоведов, ни у людей так или иначе связанных с той или иной религией: писателей, философов, социологов, этнографов, др., ни у самих верующих, хотя критерии безусловного доверия к историческим фактам и свидетельствам, как и к самим религиозным откровениям, у всех у них разные: от безусловной веры и доверия – до полного неверия и изначального недоверия. На последних – крайне левых и недоверчивых атеистов – никакая религия не рассчитывает, но в историческом плане хочет убедить и их: пусть не в истинности самого учения – так в истинности своего происхождения, своей истории, ведь любой религии, занявшей значительное место в жизни и культуре многих стран и народов, надо занять подобающее место и в мировой истории, а потому надо быть на уровне ее, мировой истории, требований и кри-

териев. Причем, если саму историю регулярно «пересматривают» под разными, не всегда научными, углами, то религии этого позволить себе не могут – «исходники» не позволяют: священные тексты, догматы, каноны, а потому религии должны вписываться в мировую историю в неизменном виде независимо от «углов» её пересмотра. С одной стороны – это налагает на историю любой религии непререкаемую выверенность ее исторических событий и фактов, с другой – дает ей возможность, в случае необходимости, сослаться с критикой на те или иные корректные, не очень корректные, а часто совсем не корректные «углы» пересмотра исторической наукой различных исторических периодов, задевающих сакральные исторические моменты, события и факты самой религии. **В итоге: постоянство и неизменность религии – как символ её вневременного происхождения, как эхо её вечности, – против изменчивости всего человеческого, непостоянства его взглядов и оценок.** «Глубокая» история (первые века н.э. и период до н.э.) всегда вызывала много вопросов, и мировые религии, уходящие своими истоками в глубь веков, никак не могли оставаться без внимания, а так как они «намертво» стояли вокруг своих священных событий, имён и дат (иначе они просто не могут по своей сущности), «научная» история со своими регулярными пересмотрами, переосмыслениями и тому подобными вещами внутри себя самой, так или иначе крутилась вокруг неподвижных и неизменных «религиозных исторических истин»,

каждый раз подстраиваясь под них и встраивая их в себя. И один из критериев официальной исторической науки, выработанный и устоявшийся на протяжении веков, – не затрагивать мировые религии в их священных основаниях и истоках, и вообще вбирать истории мировых религий в себя так, как они подаются самими религиями, или по согласованию с ними. Как создавались сами истории разных религий, когда и кем писались (или переписывались), а потом и утверждались священные тексты – это уже другой вопрос, и мы его затрагивать не будем – пока, по крайней мере. Тем не менее, исторические истоки мировых религий всегда вызывали интерес, и он не угас со временем, а скорее даже обострился: интернет открыл доступ к недоступной ранее информации миллионам и миллионам людей, а не только профессиональным историкам и религиоведам, и сейчас история вообще, в том числе и «неподвижная и застывшая» история религий, пересматривается буквально под микроскопом, и наибольший интерес в этой связи явно вызывает христианство, что заметно по многочисленным скандальным публикациям, книгам, театральным постановкам и кинофильмам, появившимся в конце XX века, и по нарастающей продолжающимся в XXI. В ряду мировых религий христианство занимает особое и привилегированное место: основателем христианства, принесшем это учение на землю, был не просто посвященный, не просто пророк – основателем христианства был Бог, явившийся на землю в образе человека, воплотившийся

в человека, потому основатель христианства фигура не просто священная – это фигура божественная. И христианская религия – это богооткровенная религия, открывшая путь к спасению всего человечества, и **Личность Бога**, спустившегося на землю с целью спасти человечество, искупить его грехи взойдя на Голгофу, не может не вызывать интереса даже у атеистов. Видимо поэтому, и еще потому, что христианство самая многочисленная религия по числу ее приверженцев и почитателей, оно вызывает такое пристальное внимание во всем мире. Да и само разделение истории и точек отсчета мирового исторического времени на «до Рождества Христова» (то есть до нашей эры), и «после Рождества Христова» (наша эра) имеет немаловажное значение. И дело тут не только во временной привязке к данному событию: принимая в общемировом масштабе такую хронологию, человечество принимает и конец истории, оно соглашается на линейность времени, конец истории, конец времен и пришествие Христа. Осознается это или нет – но это так, и эсхатологические настроения в мире сегодняшнем тому подтверждение. Влияние христианства – явное и неявное, сознательное и бессознательное – на мироощущение и восприятие большинством человечества мировых событий сегодня безусловно, и оно широко и масштабно подогревается СМИ, интернетом, кино, телевидением, театром. И антихристианская, в том числе са-

танинская и около-сатанинская (фэнтэзийная и пр.) тематика, широко представленная в тех же СМИ, интернете, кино и т.д., а также деятельность различных лож, сект, сетевых (вроде бы даже чисто коммерческих) структур и т.п., – это все в одном ряду, это хоть и анти, но – христианство, и все эти «анти» обостряют ситуацию вокруг и внутри самого христианства, усиливают эмоциональную и психическую составляющие, они буквально «вбиваются» под разными углами в сознание миллионов, тем самым ослабляя и подавляя способность к рациональному мышлению и адекватному восприятию реальности, вызывая массовые болезненные расстройства психики и даже явно патологические, клинические симптомы её состояния. Человеческая психика в большинстве своем не выдерживает современного информационного напора, постоянного, непрерывного, круглосуточного, исходящего буквально из всех щелей: телефонов, смартфонов, айфонов, компьютеров, телевизоров, поездов, самолетов, автобусов, троллейбусов, такси и т.п., – теряется чувство реальности даже в самой реальности. В поисках комфорта и защиты (большей частью мнимой) люди расползаются по всяким и разным реальным и виртуальным сектам с различными примесями: коммерции (Avon, Amway, Mary Kay, Magerric и мн. др.), спорта (фан-клубы разного калибра и направленности), политики (секты фашистского, националистического, террористического и иного толка), религии (суррогаты и секты с примесями индуизма, буддизма, дао-

сизма, христианства, анти-христианства и откровенного сатанизма), а сейчас еще и социальные сети и различные интернет-платформы, причем во всех сектах, даже вроде бы далеких от религии, присутствует в том или ином виде религиозная составляющая в виде технологических элементов, методик и т.п. Большинство политических партий и крупных фирм также мало чем от сект отличаются.

Это небольшое отступление о психическом и эмоциональном состоянии современного человечества вызвано самой логикой изложения материала, и тем, что христианство волей или неволей во всем этом участвует и на первых ролях. Все наиболее влиятельные мировые СМИ сосредоточены в христианских странах, глобальный интернет – ресурсы там же, а большая и масштабная кампания против христианства, развернутая в этих же странах, втягивает в свою орбиту само христианство, вызывая здоровый или нет интерес к нему во всем мире. Гарри Поттер, Битва Престолов, скандальные книги и фильмы об Иисусе Христе, тайнах Ватикана и его тайных ложах привлекли внимание к христианству даже тех, кто о нем до всех этих книг и фильмов понятия не имел, и в большей степени это молодежь. В тех же СМИ, интернете и печатных изданиях регулярно выплывают и реальные неприглядные, а иногда и вовсе преступные факты о деятельности христианской церкви в лице того же Ватикана, такие, например, как тесная связь и сотрудничество Ватикана с нацистами, а конкретно с СС и Гестапо,

в годы Второй Мировой и после. Все это явно не добавляет чести и славы христианству, и вызывает сильные брожения и сомнения в обществе, но это же вызывает и большой интерес (и часто совсем не праздный) далеко не у религиозных слоев общества, в том числе у различных радикальных, экстремистских и профашистских организаций: Ватикан расширяет свою территорию и аудиторию, или, как говорят маркетологи, свой сегмент рынка. **Православие пытается как-то отмежеваться от Ватикана, католицизма и протестантизма, всячески показывая и доказывая свою «отделенность», и именно свою истинность, но – у них у всех общая история, общие истоки, общие священные тексты и апостолы, у них общая Церковь и ее создатель и Глава Церкви Иисус Христос, – а это всё и есть религия, а всё то, что после и кроме – это толкования, всякого рода комментарии, интерпретации и спекуляции.** Христианство – цельный организм, несмотря на напряжение между православием с одной стороны, и католичеством и протестантизмом с другой, и это напряжение вызывает во всем мире и сомнения, и недоверие к христианству как к ведущей мировой и мировоззренческой религии, но оно же вызывает и дополнительный повышенный интерес. Все чаще в медиапространстве и в печати звучат вопросы и появляются противоречивые статьи и передачи на темы, связанные с реальностью существования самого Иисуса Христа, с его происхождением, периодами его жизни и дея-

тельности, его связей с буддизмом и индуизмом, с его смертью на Кресте и последующим воскресением; не остаются в стороне и апостолы – к ним тоже немало вопросов. Христианство не сходит с мировой повестки, в том числе и медийной, оно вышло из тени и уже открыто заявляет о себе как о политической силе, причем надгосударственной, и более того – мировой. Это привело и к тому, что к сакральным истокам: фактам, событиям и персонажам зарождения христианства, да и к самому учению, начинает не совсем корректно «подкрадываться» и официальная наука. Академическая история пока в этом открыто не участвует, но её отдельные представители уже высказываются и статьи публикуют; «смежники» проявляют бóльшую активность – та же «Новая хронология» А. Фоменко и Г. Носовского завоевывает все большую популярность. Как бы ее не хаяли и не лаляли те же историки и не только они, не обращать на нее внимания нельзя. Как мы уже упоминали, академик РАН А. Фоменко серьезный ученый, математик с мировым именем, и уж в чем-чем, а в логике, научной обоснованности и последовательности его новой хронологии не откажешь, и в этом она выше, причем значительно, многих классических исторических трудов. Еще раз повторим: Фоменко и Носовский в своих высказываниях и работах намного более корректны, последовательны и логичны, чем их оппоненты; избегают, в отличие от гуманитариев, категорических и поспешных выводов, во многом предоставляя это тем же профессиональ-

ным историкам, а также всем читателям, зрителям и слушателям. Так вот, по версии новой хронологии А. Фоменко и Г. Носовского «... **Иисус Христос жил в XI веке н. э. и основные события его биографии, включая и распятие, произошли в Царь-Граде, называвшемся также Иерусалимом.**» (Фоменко Анатолий. Математическая хронология библейских событий).

Данный вывод Фоменко с Носовским делают на основании очень тщательного анализа (в том числе и математического, с применением астрономии и небесной механики) сотен различных фактов и источников, в том числе и библейских и, следя за их анализом, приходишь к такому же выводу. Я не защищаю новую хронологию и не утверждаю, что именно тогда, в XI веке, и именно в Царь-Граде (ныне Стамбул) все это и произошло – я о том, что очень много, даже слишком много нестыковок, пробелов, явных подделок, подтасовок и фальсификаций в исторической науке вообще, и в истории христианства в частности. И одно дело, когда это касается просто исторических событий, даже очень крупных, и совсем другое, когда затрагиваются такие эпохальные и сакральные для всего человечества даты как: «наша эра» – т.е. после Рождества Христова, и до «нашей эры» – т.е. до Рождества Христова, то есть ставится под сомнение дата (и сам факт!) рождения Иисуса Христа, для трети населения земли – Бога, явившегося на землю в образе человека для спасения мира. Да и факты дальнейшей биографии

Иисуса также вызывают интерес и сомнения. **И это не проiski безбожников и врагов христианства – христианство само расшатывает себя изнутри, это оно создало свою (и во многом мировую) историю таким образом, что она рухнет при малейшем прикосновении, и если раньше она была незыблемой, а точнее казалась таковой, то только потому, что к ней нельзя было прикасаться, как к святыне, да и подойти к ней раньше было не просто.** Да и сейчас любые, даже самые малые сомнения в части глобальных вех официальной (в том числе и христианской) хронологии: рождении Христа, начале «нашей эры», др., или даже намеки на них, переводятся в русло возражений божественному, богооткровенному, самому Богу – Иисусу Христу, и сомневающимся просто перестают замечать в официальном пространстве: научном, религиозном, а также в СМИ, на телевидении и т.д. Кто может возражать Богу? Вопрос даже не нуждается в ответе – он и есть ответ. Официальное христианство подобные сомнения, вопросы и т.п. (тем более «со стороны»), касающиеся рождения и жизни Иисуса, Священного Писания, христианских догматов, житий апостолов и святых, а также хронологии христианства – списка дат христианской истории от возникновения по настоящее время, – даже не рассматривает, они для него определены и закрыты раз и навсегда, как закрыт вечный двигатель для официальной науки. Здесь мы говорим о современности, а в былые, не такие уж далекие

времена, за подобные сомнения, не говоря уже об утверждениях и сопутствующих деяниях, можно было очень премного пострадать и даже сгореть в самом прямом смысле. **Пересмотр даты рождения Христа, даже само сомнение в этой дате, неизменно повлечет за собой сомнение в его божественности, а это тот фундамент, на котором зиждется христианство, и без него оно существовать не может. Можно сомневаться в дате рождения и даже в самом существовании Будды, но это не затронет буддизм; можно такие же сомнения выразить в отношении Лао-Цзы и Конфуция, но это нисколько не уменьшит их великие учения, а может даже и наоборот; а вот подобные сомнения в христианстве немыслимы и разрушающи для него, и здесь христианство будет стоять буквально насмерть, потому как уступить на этом пути, даже в малом, – значит умереть.**

Глава 3

История должна быть тем инструментом, посредством которого мы понимаем то, что было, что есть и что будет. Факты – это не история, это знание событий, а точнее – знание о том, что некие события были. Факты не история – это хронология событий. А понимание того что было – это осознание того что было в соотнесении с тем, что было ранее и было позднее, в смысловой связке. У исторических событий есть смысл только в контексте других событий, иногда далеко отстоящих друг от друга во времени и в пространстве.

Факт сам по себе часто ничего не значит – важна реальная возможность самого факта, к фактам надо подходить **«с большим или меньшим сомнением и излагая в виде предположений различные способы, какими могло произойти данное событие»** (Э. Ренан), и важен контекст: другие факты и события, имеющие отношение к рассматриваемому факту, причины, последствия и интерпретация событий, отраженных в факте. От интерпретации событий или фактов (реальных или нет для истории не всегда важно, и это сама по себе интересная и примечательная позиция исторической науки), часто зависят их последствия, а последствия могут, и очень часто влияют на интерпретацию вызвавших их, или предшествовавших им событий или фактов, то есть: следствия влияют на восприятие и объяс-

нение самой причины, и даже на ее подмену – частичную или полную. Да, в истории такое возможно и иногда вполне оправдано: некоторые события яснее видны издалека, по прошествии времени, но в истории возможно и другое: реальные события далекого, или не очень, прошлого, подменяются полностью или частично другими событиями – которых не было. Настоящее остается неизменным – вот оно, смотрите! А причины, его вызвавшие – уже другие. И настоящее уже трактуется и интерпретируется по-другому – в контексте подмененных событий прошлого.

При рассмотрении исторических событий очень часто в тени изначально остается источник, реальная причина самого исходного, начального события, отраженного и зафиксированного в историческом факте, причина, которая и могла бы определить если не единственную возможную интерпретацию исходного события, то, по крайней мере, какие-то рамки его интерпретации, тем самым сделав более определенными и прогнозируемыми последствия события, если не исключив, то минимизировав их последующее влияние на причину и соответственно на подмену исходного факта или его части. Тем самым разрывается реальная причинно-следственная цепочка событий, разрывается в каком-то месте исторический контекст: событие или факт берутся сами по себе, обособленно, без реальной предыстории (или с выдуманной предысторией, что еще хуже), и далее самому этому событию (факту), да и всем дальнейшим событиям, уже можно при-

дать какой-то иной смысл, иную направленность, и все будет идти вполне последовательно и логично, но смыслы уже будут другие. Возьмем, для примера, совсем недавнее и очень известное: Великую Отечественную (Вторую мировую) войну, а точнее: за исходную точку возьмем ее окончание и начало Нюрнбергского процесса в ноябре 1945 года. С этого момента можно развивать историю по многим направлениям:

Англия, США, СССР, Франция в равной мере принимали участие в войне и победе над фашизмом.

СССР спровоцировал войну, а США её выиграли, остальные лишь помогали;

Германия развязала войну, а США выиграли войну и спасли всех остальных, в том числе и СССР, от фашизма (что сейчас, в мае 2023 года, открыто заявляется официальными лицами США, в частности пресс-секретарем Белого Дома Карин Жан-Пьер);

СССР затеял войну и чуть не погиб в этой войне, и остался жить только благодаря США и немного Англии;

СССР выиграл войну, а все остальные – США, Англия, и совсем немного Франция, – лишь помогали с большим опозданием (а больше вредили – и это тоже правда), и помогали только ради последующего участия в послевоенном переделе мира.

Франция спасла Европу и СССР с помощью США и Англии.

... и т.д.

Как говорится – выбирай на вкус! А если брать за исходную точку лето 1939 года, то получится уже совсем другое. И это при вполне объективном, фактологическом рассмотрении, просто факты и события надо подбирать, компоновать и интерпретировать соответственно поставленным целям и задачам, что, в общем, сейчас и пытаются сделать западные страны, только значительно грубее: насильственно внедряя через телевидение, интернет, СМИ заведомо ложные факты и такие же события и комментарии, издавая соответствующие учебники, книги и пособия. Что уж говорить о событиях многовековой, практически непроницаемой давности: взял за исходную точку начало нашей эры (а точнее окрестив это так, а ещё и Рождеством Христовым) и, ссылаясь на Откровение Божие, приуроченное к этой дате, можно плести что угодно и в любых направлениях, вариантах и количествах. **История, в конечном итоге, зависит от задач, фантазии и возможностей ее творящих, в данном случае – измышляющих.**

Здесь прослеживается некоторая аналогия с обратной силой (или ретроспективностью) закона в юриспруденции – действием закона или другой нормы права в отношении событий, которые имели место до вступления закона в силу. В юриспруденции применение обратной силы закона как правило запрещены, за исключением случаев, когда закон устраняет или смягчает ответственность за ранее совершённое

преступление, правонарушение и т.д. Обратная сила закона, как правило, применяется в отношениях между государством и гражданами в интересах граждан – например, повысили пенсию задним числом. **Обобщая, можно сказать так: последующие события (факты) не должны влиять на предыдущие, их вызвавшие, или же с ними связанные, тем более изменять (или подменять) их. История, к сожалению, грешит обратным: исходя из сегодняшних событий (например, политической ситуации) могут меняться события (факты) прошлого – иногда очень далекого, иногда совсем недавнего, а равно и их интерпретации. Или рассматриваются тщательно просеянные и отобранные факты, соотношенные с определенной исходной точкой отсчета, и из этого базового набора строится определенная историческая версия, то есть вполне себе искусственно создается исторический контекст.**

Так и менялась, трансформировалась мировая история, в том числе и история христианства на всем своем протяжении, и по мере глобализации мира менялась и трансформировалась в глобальном масштабе, и мы сегодня имеем этот глобальный «исторический трансформат», и беда еще в том, что этот «исторический трансформат» вызывает недоверие ко всему, что он содержит и к чему прикасается, и даже Истина и Откровение, содержащиеся в нем, уже не являются таковыми.

А теперь, может быть, о самом главном, основополагающем в исторической науке: о ее «исходниках», истоках, первоисточниках, о ее фундаменте, который вызывает все большие сомнения, и шаткость и неустойчивость которого грозит разрушить все здание исторической науки, стоит только им заняться, обратить на себя серьезное и всеобъемлющее внимание. Эти вопросы: об «исходниках», истоках, первоисточниках исторической науки, их аутентичности, и соответствующие исследования, возникли не так давно, но до недавнего времени (да во многом и сейчас) они существовали как бы «параллельно» истории, как один из ее отдельных, самостоятельных фрагментов, причем сами историки относились к своим первоисточникам как церковники к своим догматам, как к непререкаемым истинам. Критически и скрупулезно подходили к вопросам первоисточников только исследователи, не принадлежащие к «официальной исторической науке», которая зорко следит за всем, что не соответствует, а тем паче противоречит ее «генеральной линии», ее устоявшимся историческим догматам и аксиомам. Почти как в культовом фильме Эльдара Рязанова «Забывтая мелодия для флейты»: **«Мы ничего не запрещаем, мы все разрешаем и это прекрасно, но товарищи на местах в полной растерянности – свобода свободой, но до каких же пределов? Мне думается что пора уже приступить к разработке документа, где будет чётко определено – вот это граждане могут делать в своё свободное время, а**

ВОТ ЭТОГО ОНИ В СВОЁ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ НЕ ДОЛЖНЫ». Мы здесь даже не говорим о весьма частом несоответствии уровня техники и технологий временному отрезку событий, описываемым официальной историей, и даже не о маловероятности, а о невозможности многих общеизвестных исторических фактов: это и колесницы Древней Греции, на которых просто ехать по хорошей дороге тяжело, не то что воевать по бездорожью; это и неподъемные доспехи и оружие средневековых рыцарей, носить которые на себе физически невозможно, не то что взбираться в них на лошадь, да еще и воевать, и изготовить их даже сейчас непросто и дорого; это и лихие, быстрые передвижения многотысячных татаро-монгольских орд на многие тысячи километров на лошадях по бездорожью, заснеженным лесам и горам, широким и глубоким рекам. В данном случае неоспоримым аргументом служит логистика: у историков нет ответа на вопросы, связанные с продвижением и материальным обеспечением огромных татаро-монгольских орд. Нет железа для подков, нет замены лошадей, нет достаточного корма для лошадей (да и людям надо что-то есть), и двигалось все это «иго» многие тысячи километров не по современным дорогам (что тоже весьма непросто на такие расстояния – проверяли энтузиасты), а по заснеженной тайге, горам, широким и глубоким рекам (а как хорошо смотрятся тысячи подкованных железом лошадей на льду замерзших рек!), по весенней распутице, где кони (да и люди) болели, ломали ноги

и гибли тысячами. По данным фактам (и по многим другим) даже доказательств никаких не требуется, в самих вопросах по данному факту уже заключен ответ, диктуемый простым здравым смыслом. Как говорил Воланд в "Мастере и Маргарите» М. Булгакова: «И доказательств никаких не требуется, все просто...». И таких фактов, которые при ближайшем и внимательном рассмотрении оборачиваются фантазией, тысячи. Много вопросов к строительству Петром Петербурга, а это уже не такая далекая история. И даже если не высказываться столь категорично, выше наведенные (да и многие другие) признанные официальной наукой исторические факты, вызывают большие, и вполне обоснованные, сомнения. Об этом и многом другом, подобном, уже достаточно написано, отснято видеороликов и размещено в интернете, все это можно почитать и посмотреть, и мы не будем останавливаться на всем этом – мы просто об этом упомянули, характеризуя некоторые стороны исторической науки, а остановимся более подробно, хотя тоже очень кратко, на первоисточниках исторической науки: на рукописях и первых печатных изданиях.

Здесь уместно напомнить слова Э. Ренана из его предисловия к 13-му изданию книги «Жизнь Иисуса»:

«По-моему мнению, лучше всего держаться, елико возможно, ближе к оригинальным повествованиям, отделяя от них все невозможное, относясь ко всему с большим или меньшим сомнением и излагая в ви-

де предположений различные способы, какими могло произойти данное событие.»

«Выгоняйте иллюзию из религиозной истории в одну дверь, она проникнет в другую.»

«Для критики не существует непогрешимых текстов; первое ее правило допускать возможность погрешности в том тексте, который она рассматривает.»

Представители официальной истории если и пользовались выше наведенными советами Э. Ренана, то весьма и весьма выборочно, обходя и сглаживая неудобные вопросы, совсем как представители церкви в вопросах историчности многих своих персонажей, в том числе и Иисуса Христа, и в вопросах истинности Священного Писания, его происхождения и толкования. А теперь обратимся к небольшим фрагментам из книг «Христос» и «Пророки» Николая Александровича Морозова (1854-1946) – выдающегося русского ученого-энциклопедиста, почетного члена Российской АН, русского революционера-народника. (Интерес к «историологическим» воззрениям Н.А. Морозова был в 1970-е возрожден математиком Московского университета М.М. Постниковым, и вслед за ним А.Т. Фоменко, А.Н. Носовским, и некоторыми их коллегами).

Из книги: Морозов Николай. Христос:

«Когда вы смотрите на какое-нибудь только-что отремонтированное и оштукатуренное здание, оно всегда вам кажется совсем прочным. Если вы не видели его до ремонта, вам и

в голову не придет, что под его штукатуркой снаружи стен и под новыми обоями внутри многое давно прогнило, и даже основные бревна комнат прилажены друг к другу так непрочно, что готовы свалиться при первом напоре сильного ветра.

Точно такое же впечатление производит на нас и история древнего мира. По нашим курсам и учебникам, даже не указывающим к какому времени принадлежат первые издания их первоисточников и когда найдены первые рукописи, которыми пользовались их составители, – выходит все так последовательно, а иногда и увлекательно, что мысль при чтении совершенно перестает критически работать, да и не может, не зная, откуда автор взял свои сведения. Загипнотизированному читателю остается только верить в его глубокую компетентность да запомнить, что он сказал...

Совсем другое, когда, оставив авторов XX века, начинаешь читать их первоисточники. Прежде всего, никаких первоисточников большею частью нигде на земном шаре не оказывается в рукописях. Имеются только печатные книги, появившиеся в свет позднее 1450 года, и из них мы узнаем, что в средние века рукописи этих книг оставались неизвестными и что они «открыты» лицами, принесшими их издателю только перед самым печатанием, а потом снова делись неизвестно куда.

Вот хотя бы необходимая для этой нашей работы «Церковная история» Сократа Схоластика, обнимающая период от Константина I до Феодосия Младшего

(т.е. приблизительно от 325 до 425 года нашей эры). Издатели «открыли» ее сначала только в латинской рукописи в начале XVI века, а потом, лет через тридцать, новые издатели «открыли» и ее греческий подлинник. Что с обеими было в продолжение 1200 лет, да и существовала ли сама эта книга, никто ничего сказать не может. Ведь даже и в тех редких случаях, когда, после напечатания, на усиленный спрос любителей древности являлось лицо, предлагавшее такую рукопись, якобы сохранившуюся у его предков с незапамятных времен, можно сказать, что «спрос всегда рождает предложение». Мы не знаем даже о том, куда делась рукопись после напечатания. Почему издатель и нашедший не постарались сохранить такую драгоценность, хотя уже и тогда собирали древности?

То же самое оказывается и с другими первоисточниками древней истории, почти со всеми.

Вот хотя бы знаменитые диалоги Платона. Они были совершенно неизвестны ученым вплоть до конца XV века. Лишь в это время один флорентийский философ, по имени Марчеллио Фичино, принес богатому издателю Лаврентию Венету латинскую рукопись под этим названием, объявив ее своим переводом с греческой рукописи. Этот сборник статей, в котором, кроме политических и философских рассуждений, оказалось также много и скабрёзного, и явно анахронического, был издан Венетом в 1482 году. Книга быстро разошлась. Неведомый ранее Платон стал сразу знаменит, и

через девять лет, в 1491 году, этот сборник вышел вторым Флорентийским изданием на средства Лаврентия Медичи.

Его анахронизмы к этому времени были уже отмечены серьезными читателями, и вот тот же самый Фичино дает одному венецианскому издателю свой новый «исправленный от указанных ему анахронизмов» перевод, а в 1517 году выходит и второе его издание.

Греческих рукописей Марчеллио Фичино никому не предъявлял до самой своей смерти; не нашли их у него и его наследники. До сих пор никто ничего не знает об их существовании где-либо на свете, и до сих пор несомненно только то, что они исчезли бесследно, несмотря на то, что почти тотчас после выхода из печати первого издания «перевода Фичино» много просвещенных людей того времени стало усиленно искать повсюду греческих рукописей этого вновь открытого в только-что сделанном переводе греческого философа.»

...

«А вот и третий пример – знаменитые книги Иосифа Флавия. Этот Флавий был «открыт» и сделался известным лишь с 1566 года. Только в это время автор XVI века, Самуил Шеллам, вдруг предъявил издателю рукопись «Иудейские Древности», опять без предъявления кому бы то ни было «подлинной рукописи». Эта книга даже сразу возбуждала подозрение у современников. И действительно она была полна анахронических мест. Автором ее был сам Са-

муил Шеллам, а затем она с пополнениями появилась уже в еврейском и в других переводах.

Я не буду приводить дальнейших примеров.

Скажу только одно: таково возникновение всех древних книг!

Возьмем хотя бы сочинения Василия Великого, Иоанна Златоуста, Оригена, не говоря уже о Сократе, Аристотеле, Цицероне, Вергилии, Горации, Геродоте, Пифагоре и о всех до одного остальных. Их рукописей, хотя бы от IX века, нигде нет; как-будто лица, принесшие их в типографии, нарочно уничтожали их тотчас же после напечатания... Лишь через много десятков лет после первого напечатания, нередко лишь в XIX веке, стали «открываться» и рукописные списки сомнительной древности. О них я еще поговорю в своем месте. **И невольно думается: не призраки ли, не миражи ли все то, что мы воображаем о древней жизни греков, египтян, римлян, евреев и всего древнего Востока по подобным документам?»**

(Морозов Николай. Христос).

«В утренних сумерках всемирной истории, в ту раннюю пору, когда трудно отличить действительность от призрака, когда очертания лиц и предметов неясны и неуловимы, — перед нами выступает легендарный облик ... кочующего племени ... на котором лежит какой-то особенный отпечаток». Так поэтически начинает С. М. Дубнов свою «Еврейскую» (т. е., лучше бы сказать, «мессианскую») историю

по Беку и Бранну [С. М. Дубнов: Бек и Бранн, Еврейская история. Одесса. 1896 г.], и с ним нельзя не согласиться по крайней мере в первой части фразы. Она очень ярко выражает современное состояние наших знаний не только относительно умственной и гражданской жизни первых сторонников «закона Моисеева», но и относительно начала почти всех остальных религий. **Ни в одной из летописей, относящихся к древней истории человечества, почти нельзя отличить действительных событий от призраков воображения средневековых историков, через которых мы получили наши сведения об этих далеких временах».**

(Морозов Николай. Пророки).

Да, история населена призраками и миражами, что весьма доказательно показали Фоменко с Носовским в своих работах. Мы живем под гипнозом великих имен и громадного многовекового историко-религиозного массива, имеющего во многом сакральный характер, и не только благодаря религии, но и благодаря официальной исторической науке, большей частью построенной в своей основе, в своих истоках, на мифах и фантазиях, которые, в итоге, обрели большую реальность, чем сама реальность. Но и весь этот громадный историко-религиозный массив становится в XXI веке все более подвижным, зыбким и условным, исторические вехи и ориентиры даже совсем недавнего времени, буквально вчерашнего дня, меняются на глазах, что уж говорить о далеком,

сокрытом глубиной веков, прошлом. «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Книга Екклесиаста Глава 1).

«Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет.

Все это, Никанор Иванович, зыбко и условно. Сегодня неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, и еще как бывает!»

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Да, если критически подходить к официальной (или, если хотите, академической) истории, в том числе и истории религии (которая и есть во многом сама религия), то все действительно «зыбко и условно»: сегодня (или вчера) все это было неофициально, а завтра (или сегодня), глядишь, официально. «А бывает и наоборот, и еще как бывает!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.